Беатриса

Автор:
Оноре Бальзак

Беатриса

Оноре де Бальзак

В романе, показывая лживость и лицемерие «общественных деятелей» периода Июльской монархии, Бальзак подчеркивает, что скрытыми двигателями любой формы общественной деятельности в буржуазном обществе являются – наряду со стремлением извлечь изо всего выгоду – суетность, мелкое самолюбие и тщеславие.

Оноре де Бальзак

Беатриса

Посвящается Сарре[1 - Сарра – Сарра Ловель, в замужестве графиня Гидобони-Висконти (1804–1883), друг Бальзака. По делам семьи Гидобони-Висконти Бальзак ездил в Италию в 1836, 1837 и 1839 гг.].

В ясный, тихий день у берега Средиземного моря, там, где некогда простиралось владение, носившее Ваше милое имя, сквозь прозрачные покровы волны можно иногда разглядеть морской цветок, дивное создание природы: кружевные листья и сеть жилок пурпуровых, коричневых, розовых, фиолетовых и золотистых тонов, бархатистую ткань, свежесть живой филигранной драгоценности; но все это блекнет, лишь только любопытный извлечет растение из моря и бросит на песок. Вот так же и яркое солнце гласности оскорбило бы Вашу святую скромность. Поэтому, посвящая Вам свое произведение, я не решаюсь называть Вашего имени; но благодаря этому умолчанию Ваши

прелестные руки могут благословить мой труд. Ваше светлое чело может задумчиво склониться над его страницами, Ваши глаза, полные материнской любви, могут ему улыбнуться, – ведь Вы останетесь в той глубине, где расцвела Ваша прекрасная жизнь, так же как таится на ровном и светлом песчаном дне жемчужина морской флоры, сокрытая голубой волной и доступная лишь дружественному скромному взгляду.

Мне хотелось бы положить к Вашим ногам произведение, достойное Вашей душевной прелести, если же это мне не удалось, буду надеяться в утешение себе на Вашу врожденную склонность покровительствовать слабым.

Де Бальзак

Первая часть

Действующие лица

Во Франции, особенно в Бретани, еще и поныне встречаются города, которых не коснулся социальный прогресс, придающий XIX веку его характеристические черты. Из-за отсутствия постоянного и удобного сообщения с Парижем такие города, связанные даже с супрефектурой или департаментом лишь скверными, почти непроезжими дорогами, прислушиваются или присматриваются к шествию новой цивилизации как к некоему зрелищу, достойному удивления, но отнюдь не рукоплесканий. Потешаясь над ней или остерегаясь ее, богоспасаемые города эти хранят верность старым обычаям, наложившим свой отпечаток на все их бытие. Если вы отправитесь в путь в качестве археолога провинциальных нравов с целью наблюдать живого человека, вместо того чтобы изучать мертвые камни, вы можете обнаружить в полной неприкосновенности картину жизни времен Людовика XV в какой-нибудь деревеньке Прованса, Людовика XIV – в глуши Пуату и картину еще более давних веков – в самом сердце Бретани. Большинство тамошних городов, лишившись своего блеска, ничего уже не говорит ни уму, ни сердцу историка, которого более нравов интересуют факты и даты; однако воспоминание о былом величии и поныне живет в памяти провинциальных обывателей, и, в первую очередь, в памяти бретонцев, которые в силу своего национального характера не склонны предавать забвению

прошлое родного края. Многие из этих городов некогда служили столицами маленьких феодальных государств – графств или герцогств, перешедших под власть короны или поделенных между многочисленными наследниками вследствие угасания мужской линии. Отставленные от прежней деятельности, эти головы со временем превратились в руки. А рука, лишенная питательных соков, слабеет и сохнет. В последние тридцать лет эти уцелевшие картины старины понемногу исчезают и становятся редкостью. Современная промышленность, выпускающая свои изделия тысячами, оказалась пагубной для древнего искусства ремесленников, произведения коих создавались в расчете на определенного покупателя, носили на себе отпечаток личности и мастера и заказчика. Мы теперь производим, но не создаем. Большинство наших памятников относится к числу творений далекого исторического прошлого. Для современного промышленника подобного рода памятники – это каменоломни, селитровые копи или склады хлопка. Пройдет еще лет десять, и такие города потеряют свои самобытные черты, и след от них сохранится только в литературных летописях, подобных нашей.

Одним из городов, наиболее верно передающих дух феодальных веков, является Геранда. Уж одно слово «Геранда» вызывает тысячи воспоминаний в памяти художника, поэта, мыслителя, которым привелось посетить берег, где покоится этот алмаз феодальной Франции, горделиво венчающий полукружье моря и дюн и как бы образующий вершину треугольника, в углах которого лежат две не менее примечательные жемчужины – Круазик и местечко Батц. Только Витрэ, расположенный в сердце Бретани, да Авиньон – на юге Франции, так же как и Геранда, хранят в наши дни в полной неприкосновенности средневековый облик. Еще и сейчас Геранду опоясывают мощные крепостные стены; широкие рвы наполнены водой, все зубцы сохранились, бойницы не заросли кустарником, плющ не одел покровом своей листвы круглые или четырехугольные башни. В Геранду вы можете попасть через одни из трех ее ворот, пройдя по деревянному подъемному мосту, окованному железом; правда, этот мост больше не подымают, но поднять его можно. Обыватели Геранды горько сетовали на мэрию, вздумавшую в 1820 году насадить тополя вдоль рвов, чтобы осенить тенистыми ветвями любимое место прогулок герандцев. Градоправители заявили в свое оправдание, что еще сто лет назад великолепная площадь, идущая со стороны дюн вдоль прекрасно сохранившихся укреплений, была превращена в площадку для игры в мяч, и посаженные здесь развесистые вязы уже давно полюбились горожанам. Здешние дома не претерпели ни малейших изменений – не стали ни выше, ни ниже. Ни одного фасада не коснулся молоток каменщика или кисть маляра, ни одна балка не осела под тяжестью вновь возведенного этажа. Все здания остались

такими же, какими вышли из рук строителей. Некоторые дома покоятся на деревянных столбах, образующих галереи, и горожане расхаживают под этими перекрытиями, которые хоть и гнутся, но никак не рухнут. Купеческие дома, низенькие и приземистые, облицованы по фасаду изразцами. Дерево, теперь уже полусгнившее, шло преимущественно для резных наличников: под окнами то гримасничают с выступающих балок страшные физиономии, то вдруг на углах вытягиваются фигуры невиданных зверей, оживленные волшебной силой искусства, которое некогда умело вдыхать жизнь и в мертвую природу. Эта старина, торжествующая над временем, открывает глазу художника все богатство тускло-коричневых тонов и полустертых фигур, которые так и просятся на полотно. Улицы остались такими же, какими они были четыре столетия тому назад. Но уже давно Геранда порядком опустела, прежняя общественная энергия иссякла, и любопытствующий путешественник, осматривая прекрасный, как древние доспехи, город, не без грустного раздумья пройдет по безлюдной улице, где его взгляд привлечет каменное обрамление оконных проемов, заложенных кирпичом во избежание налога[2 - …оконных проемов, заложенных кирпичом во избежание налога. – В описываемое Бальзаком время налог с домовладельцев взимался во Франции в зависимости от количества окон и дверей в доме.]. Эта улица упирается в потайную заколоченную дверь, пробитую в каменной стене, за которой виднеется купа деревьев, изящно подобранных руками бретонской природы, великой искусницы выращивать самую пышную, самую изобильную растительность во всей Франции. Художник или поэт просидит не один час под этими нетронутыми временем сводами, наслаждаясь глубокой тишиной, – из мирного города не доносится в этот уголок никаких шумов, и цветущие деревья просовывают совсем по-деревенски свои ветви из бойниц, некогда укрывавших лучников и арбалетчиков и напоминающих окна бельведеров. Невозможно, прогуливаясь здесь, не вспомнить на каждом шагу обычаи и нравы прошедших времен: каждый камень говорит вам о них; самый дух средневековья живет в суевериях нынешней Геранды. Если паче чаяния дорогу вам перейдет жандарм в расшитой галунами треуголке, вы невольно возмутитесь – таким анахронизмом покажется на этих улицах его фигура; впрочем, редко-редко современность напомнит вам здесь о себе, о своих людях, о своем быте. Даже современное платье здесь в диковину: местные жители выбирают из нынешней одежды то, что легче всего приспособить к их неизменным привычкам и всему их старомодному укладу. На рыночной площади то и дело попадаются бретонцы в национальных костюмах немыслимого покроя, приводящих в восторг заезжих художников. Белоснежные балахоны болотарей, как зовут здесь людей, работающих на соляных озерах, представляют резкий контраст с синими и коричневыми тонами крестьянского платья, со старинными женскими нарядами, которые

свято хранятся в бретонских деревнях. Эти два класса местного населения – болотари и крестьяне, и третий – моряки в матросских куртках и шапках из лакированной кожи с маленькими полями, отличаются друг от друга, как индийские касты, и сами поныне делают строгое различие между буржуазией, дворянством и духовенством. Слои эти еще резко разграничены: рубанок революции, натолкнувшись здесь на человеческую массу, слишком косную и упорную, остановился: иначе он зазубрился бы, а пойди дальше – мог бы и сломаться. Неподвижность – свойство, которым природа наделила некоторые низшие виды животного мира, здесь стала свойством людей. Даже после революции 1830 года Геранда осталась тем, чем и была: исконным бретонским городком, приверженным католической церкви, все той же тихой, ушедшей в себя Герандой, глухой к новым веяниям.

Особенности Геранды объясняются ее географическим положением. Этот очаровательный город господствует над цепью соляных озер, откуда добывается знаменитая по всей Бретани герандская соль, – именно ей местные жители приписывают прекрасные качества бретонского масла и сардинок. Геранда связана с остальной Францией всего двумя дорогами: одна ведет в Савенэ – округ, куда входит Геранда, и достигает Сен-Назера; вторая дорога через Ванн связывает город с Морбиганом.

Окружная дорога идет все время посуху, а через Сен-Назер можно добраться морем до Нанта. По первой дороге ездят только чиновные лица. Самый короткий и самый излюбленный путь – сен-назерский. Однако между Сен-Назером и Герандой есть участок, не менее шести лье, где почтовая карета не ходит, да здесь ей и некого возить: за год не наберется и трех путешественников. Сен-Назер отделен от Пембефа устьем Луары, которая достигает здесь четырех лье ширины. Песчаные отмели Луары не допускают регулярного движения паровых судов; в довершение всего в 1829 году на сен-назерском мысу еще не было пристани – море у берега усеивали голые скользкие утесы, гранитные рифы и огромные каменные глыбы, окружавшие неприступной стеной здешнюю живописную церковь; путешественникам приходилось дожидаться прилива, чтобы погрузиться вместе со своими пожитками в баркасы, а в тихую погоду, перепрыгивая с камня на камень, они добирались до мола, который в ту пору только еще строился.

Все эти помехи и преграды могли обескуражить самого заядлого путешественника; вероятно, они существуют и поныне. Во-первых, власти обычно не очень торопятся с завершением начатых работ; во-вторых, население

этой территории, которая, как острый зуб, выпирает на карте Франции между Сен-Назерским портом, местечком Батц и Круазиком, вполне приспособилось к неудобствам, преграждающим сюда доступ чужеземцу. Итак, из Геранды, заброшенной на самый край континента, нет выхода никуда, и, следовательно, никто в нее и не ездит. Счастливая этим забвением, она печется только о самой себе. Рынком сбыта продукции богатейших соляных промыслов, которые облагаются миллионными налогами, служит Круазик. Дорога из этого городка, расположенного на полуострове, ведет в Геранду через зыбучие пески, которые в течение одной какой-нибудь ночи засыпают путь, проложенный накануне; но в Геранду можно попасть и на баркасах, через круазикскую гавань – длинный заливчик, врезающийся в песчаный берег. Этот своеобразный городок является как бы Геркуланумом феодализма[3 - …городок является как бы Геркуланумом феодализма… – то есть памятником далекого прошлого. Геркуланум – город в Италии; был засыпан лавой во время извержения Везувия в 79 г.], хотя и не покрыт саваном лавы. Он уцелел, но не живет; он существует только потому, что не разрушен. Если вы следуете в Геранду со стороны Круазика, то после утомительного однообразия соляных озер вас охватит неподдельное волнение перед зрелищем внушительных крепостных стен, в которых жив и посейчас каждый камень. Не менее живописна Геранда и со стороны сен-назерской дороги, где путника очарует наивная прелесть окрестностей описываемого нами города. Все вокруг восхищает глаз, живые изгороди усеяны цветами, благоухает жимолость, шиповник, зеленеет самшит; повсюду растительность самая роскошная. Вы невольно вспомните английский парк, разбитый искусным художником. Этот роскошный, нетронутый оазис, напоминающий своей мирной прелестью пучок фиалок или ландышей в лесной чаще, окружен поистине африканской пустыней, омываемой океаном; в этой пустыне вы не встретите ни деревца, ни травинки, не услышите пения птиц, и в яркие солнечные дни белые балахоны болотарей, бродящих меж унылых озер, кажутся арабскими бурнусами. Именно поэтому Геранда, утопающая в свежей изобильной зелени среди бесплодной пустыни, которая одним своим краем подходит к Круазику, а другим упирается в местечко Батц, не похожа ни на какой другой уголок французской земли. Такая разительная близость двух крайностей природы, слившихся в этом заповеднике феодализма, производит неизгладимое впечатление. Геранда успокаивает душу, как успокаивает тело опий; она, как Венеция, полна тишины. В городе имеется только одна почтовая карета – дряхлая колымага, которая доставляет пассажиров на судно, развозит кое-какие товары, а при случае и письма из Сен-Назера в Геранду и из Геранды в Сен-Назер. В 1829 году некий Бернюс, владелец кареты, был единственным благодетелем всей округи. Он выезжал из города и прибывал к месту назначения, когда ему вздумается, был знаком со всеми жителями края,

выполнял все их поручения. Появление его кареты – всегда огромное событие, пусть даже в ней прибудет одна-единственная дама, пробирающаяся сухопутной дорогой через Геранду в Круазик, или немощный старец, который направляется к морю, ибо морские купания на этом скалистом полуострове значительно превосходят своими целебными свойствами прославленные Булонь, Дьепп и Сабль. Крестьяне обычно приезжают в Геранду верхами, приторочив к седлу мешок с припасами. Здесь они, как и болотари, выбирают на свой деревенский вкус дешевенькие колечки и сережки, которые, по местному обычаю, дают за каждой бретонской невестой в придачу к беленым холстам или домотканому сукну. На десять лье в округе Геранда остается Герандой, то есть прославленным градом, где был подписан знаменитый в истории договор[4 - …где был подписан знаменитый в истории договор. – Речь идет о договоре 1365 г., положившем конец военной распре между французским королем и бургундским герцогом по вопросу о наследнике бургундского престола.]; она – страж этого морского берега и, наравне с местечком Батц, хранит остатки былого величья, канувшего во мглу времен. Драгоценности, шерстяные и бумажные ткани, ленты, шляпки доставляют сюда со стороны, но для покупателей они – герандские. Любой художник, даже любой буржуа, заглянувший проездом в Геранду, на минуту почувствует, подобно путешественнику, посетившему Венецию, желание окончить свои дни в герандской тиши, прогуливаясь на солнышке по просторной площади, что тянется со стороны моря вдоль городской стены от одних ворот до других. Иной раз образ Геранды вдруг возникнет в тайнике ваших воспоминаний, она встанет перед вами в роскошном убранстве башен, опоясанная крепостными стенами; она расправит свой плащ, затканный прекрасными цветами, горделиво встряхнет золотым покрывалом дюн, она опьянит вас всем богатством своих ароматов – смолистым запахом нагретых солнцем сосновых перелесков, колючего дрока, тропинок, над которыми в беспорядке склоняются цветущие ветви боярышника; она завладеет вами и поманит вас за собою, подобно прекрасной незнакомке, встреченной мельком в далекой стране и навсегда запечатлевшейся в вашем сердце.

Возле герандской церкви стоит дом, который для Геранды то же самое, что Геранда для этого края, – точный образ минувшего, символ утраченного величья, словом, сама поэзия. Дом этот принадлежит знатнейшему в Бретани роду дю Геников, которые во времена дю Гескленов[5 - …во времена дю Гескленов… – Дю Гесклены – старинный дворянский род в Бретани. Бертран дю Гесклен прославился своими подвигами в борьбе с англичанами (XIV в.).] превосходили последних богатством и знатностью, подобно тому как жители Трои превосходили в этих двух отношениях римлян. Гесклены, которые некогда

писались также «дю Глекены», откуда и получилось впоследствии «Геклены», происходили от Геников. Основатели древнего, как бретонские камни, рода дю Геников – ни франки, ни галлы; они бретонцы, или, точнее, кельты. Говорят, что они были некогда друидами[6 - Друиды – жрецы у древних кельтов.], собирали омелу в священных лесах и приносили в долменах[7 - Долмены – древние сооружения из плоских камней, предназначенные для культовых обрядов кельтов.] человеческие жертвы. Описывать их не стоит. Род дю Геников, не уступающий Роганам, хотя и пренебрегший княжеским титулом, прославил себя еще в то время, когда никто и не слыхал о предках Гуго Капета[8 - Гуго Капет (ок. 940–996) – французский король (987–996 гг.), основатель династии Капетингов.], а ныне этот беспримесно чистый род имеет лишь около двух тысяч ливров ренты, дом в Геранде да небольшой замок в Генике. Все земли, принадлежавшие геникским баронам, первым в Бретани, отданы под залог фермерам, которым они приносят около шестидесяти тысяч ливров дохода, несмотря на низкий уровень земледелия. Конечно, Геники остаются владельцами своих земель, но так как они не могут вернуть капитал, который двести лет назад им внесли арендаторы, доходами с земель они не пользуются. Они находятся в том же положении, в каком был перед 1789 годом французский королевский дом в отношении своих «залогодателей». Где и когда добудут дю Геники миллион, который они получили от своих фермеров? До 1789 года доходы с земель, находившихся в вассальной зависимости от Геникского замка, расположенного на высоком холме, давали пятьдесят тысяч ливров, но Национальное собрание отменило подати, которые сеньоры получали с крепостных при наследованиях и разделах владений. Семья Геников, ныне ничего не значащая во Франции, стала бы из-за бедности посмешищем всего Парижа; но для Геранды она была воплощением Бретани. Для Геранды барон дю Геник – первый барон во Франции, выше его был только французский король, некогда избранный главой государства. Ныне имя дю Геников, полное для бретонцев глубокого смысла, что, впрочем, уже было объяснено в романе «Шуаны, или Бретань в 1799 году»[9 - «Шуаны, или Бретань в 1799 году» (1829) – первый роман Бальзака, принесший ему литературную известность; объяснение имени дю Геников имеется только в первых изданиях «Шуанов», из позднейших изданий Бальзак его исключил.], подверглось изменениям, коих не избегли и дю Геклены. Сборщик податей, как, впрочем, и все остальные герандцы, пишет теперь просто: Геник.

Вдоль тихой узкой улицы, где стоит прохладная и сырая тень, идут старинные дома с высокими островерхими крышами, и заканчивается она аркой, в глубине которой виднеются ворота, достаточно широкие и высокие, чтобы пропустить всадника, из чего явствует, что в те времена, когда строился дом, карет еще

не существовало. Эта арка, целиком из гранита, покоится на двух устоях. По всей поверхности растрескавшихся дубовых ворот набиты огромные гвозди, шляпки которых образуют геометрические фигуры. В арочном своде высечен щит дю Геников такого четкого, такого ясного рисунка, как будто только вчера его закончил ваятель. Этот щит приведет в восхищение любителя геральдики своей простотой, свидетельствующей о благородстве и древности рода дю Геников. Он таков, каким был щит дю Геников в те дни, когда крестоносцы изобрели различные эмблемы на щитах, чтобы опознавать друг друга, и дю Геники никогда не делили его на четверти: он сохранился в первоначальном виде, подобно гербу французской династии, фигуры которого знатоки обнаруживают с первого взгляда в «сердце» большого щита на гербах старинных дворянских фамилий. Герб дю Геника вы и поныне можете увидеть в Геранде: на червленом поле рука натурального цвета, облаченная в горностай и вертикально держащая серебряный меч с грозным девизом: «Fac!»[10 - Действуй! (лат.).] Разве это не прекрасно и не величественно? Зубцы баронской короны служат завершением этого простого щита, а выпуклые вертикальные линии, идущие по пурпурному полю, еще до сих пор не потеряли своего блеска. Художник сумел придать руке непередаваемо гордый и благородный поворот. С какой энергией держит она меч, которым еще вчера пользовались дю Геники! Право же, если вы, прочитав нашу повесть, побываете в Геранде, вы испытаете некоторое волнение при виде этого щита. Даже самого сурового республиканца тронет эта верность, это благородство и величие, таящиеся в глубине заброшенной улочки. Дю Геники действовали вчера, они готовы действовать и завтра. Действовать – это великое слово рыцарей. «Ты хорошо действовал в эту битву», – говаривал коннетабль, великий полководец дю Геклен, на время изгнавший англичан из Франции. Подобно тому как скульптурное изображение герба уцелело от холода и непогод под защитой округлого выступа арки, свято сохранился девиз его в душе дю Геников. Того, кто знает дю Геников, растрогает этот герб. Через открытые ворота виден довольно просторный двор, по правой стороне которого стоят службы, а слева расположена кухня. Стены дома от подвалов до чердака сложены из тесаного камня. Во двор выходит крыльцо с каменными перилами, и к нему примыкает открытый помост с остатками резьбы, полустертой временем; но зоркий глаз любителя старины различит и тут среди неясных фигур очертания руки, держащей меч. Под этим изящным помостом с потрескавшимся и залоснившимся от времени красивым резным обрамлением находится небольшая ниша, некогда служившая собачьей конурой. Каменные перила разошлись; какие-то цветочки, трава и мох пробиваются из расщелин, а также между ступеней лестницы, которые столь же прочны, как и триста лет назад. Дверь в свое время, должно быть, была просто хороша. Судя по сохранившейся кое-где узорной резьбе, она сработана руками

вдохновенного мастера, принадлежавшего к великой венецианской школе XIII века. Здесь самым причудливым образом смешаны византийские и мавританские мотивы. Вверху дверь увенчана полукруглым выступом, который природа украсила зеленью и цветами; в зависимости от времени года розовые и голубые тона сменяются здесь желто-коричневыми. Дубовая дверь, испещренная крупными шляпками гвоздей, ведет в просторную залу, в противоположном конце которой имеется другая дверь и другое крыльцо, выходящие в сад. Поистине чудесно сохранилась эта старинная зала! Стены ее снизу обшиты каштановым деревом, сверху их покрывает великолепная испанская тисненая кожа, с которой кое-где слезла позолота, оставив красноватые блестки. Потолок сделан из досок, искусно подогнанных встык и покрытых краской и золотом. Впрочем, и здесь позолота почти не видна: ее постигла та же участь, что и позолоту, украшавшую испанскую кожу, но кое-где еще заметны красные цветы и зеленые листья. Основательно расчистив потолок, верно, можно было бы обнаружить роспись, подобную узорам мозаичных полов во дворце Тристана, в Туре, и нет сомнения, что эти потолки подновлялись или переделывались во времена Людовика XI. В огромном камине, сложенном из резного камня, видна кованая железная подставка для дров прекрасной работы. Целый лес можно навалить в этот камин. Мебель в зале дубовая; на спинках стульев и кресел вырезан фамильный герб. На стене висят три английских ружья, пригодных и для охоты, и для войны, три сабли, две кожаные сумки, а также разная охотничья и рыболовная снасть.

Рядом – столовая; она сообщается с кухней через дверь, пробитую в угловой башне. На углу противоположного крыла дома возвышается другая башенка, внутри которой идет винтовая лестница, ведущая в два верхние этажа. Стены столовой обиты ковровыми обоями, восходящими к XIV веку, судя по стилю и орфографии надписей, вытканных на изгибающихся ленточках под каждым изображением; поскольку текст их написан соленым языком фаблио[11 - Фаблио – небольшие стихотворные рассказы, в которых сатирически изображаются быт и нравы; изобилуют грубыми шутками. Наиболее популярный в средние века во Франции жанр городской литературы.], воспроизвести их тут невозможно. Обои эти, сохранившие яркость красок в темных углах столовой, куда не проникает солнечный свет, окаймлены багетом из резного дуба, которому время придало блеск черного дерева. Потолок столовой – с выпуклыми балками, причем каждая украшена сложным орнаментом из листьев. В промежутке между балками пущены по голубому полю золотые гирлянды. У стен высятся друг против друга два поставца. На полках, которые с бретонским упорством натирает воском кухарка Геников Мариотта, стоят четыре старинных кубка, столь же древняя, помятая суповая миска,

две серебряные солонки, а также стопка оловянных тарелок и с дюжину жбанов из серого и голубоватого песчаника с причудливыми резными рисунками, с гербами дю Геников и с оловянными крышками на шарнирах, – словом, все то, что красовалось в королевских покоях в 1200 году, когда короли были так же бедны, как Геники в 1830-м. Камин переделывался в более поздние времена. И по виду его можно заключить, что в этой гостиной охотно сиживало несколько поколений дю Геников. Камин сделан из камня, со скульптурными орнаментами в стиле Людовика XV. Над камином – зеркало в рамке, разукрашенной круглыми позолоченными шишечками. Этот контраст, которого, очевидно, не замечают сами хозяева дома, наверно, покоробил бы художника. На каминной доске, покрытой красным бархатом, стоят часы, отделанные черепахой и медными инкрустациями, а по сторонам часов – два диковинных серебряных канделябра. Большой квадратный стол на витых ножках занимает середину столовой. Стулья из резного дерева обиты штофом. Возле большого окна, выходящего в сад, на круглом столике об одной ножке, изогнутой наподобие виноградной лозы, находится лампа странной формы. Резервуаром лампы служит шар из простого стекла, размером со страусовое яйцо, вставленный с помощью стеклянного же шпенька в подсвечник. Из отверстия в верхней части резервуара выходит плоский фитиль, вправленный в медную трубочку; конец фитиля, свернувшийся петлями наподобие солитера, сосет ореховое масло, налитое в шар. Окно в сад и противоположное ему – во двор окаймлены каменными наличниками, свинцовый переплет делит их на шестигранники; занавески сделаны из старинной шелковой красной ткани с желтоватым отливом, именовавшейся в былые времена полупарчой; они задрапированы наверху поперечным полотнищем и обшиты по краю бахромой с крупными помпонами.

На обоих верхних этажах тоже только по две комнаты. Второй этаж занимает глава семейства, третий с давних пор отведен под детские. Гостей размещают на антресолях. Прислуга ютится в надстройках над кухнями и конюшней. Островерхая, со свинцовыми углами, крыша прорезана стрельчатыми окнами прекрасного стиля, выходящими в сад и во двор; соленый морской ветер уже давно разъел резные узоры на тонких и изящных консолях. Над тимпаном, в котором пробиты эти окна с крестообразными каменными переплетами, до сих пор скрипит резной баронский флюгер.

Упомянем еще об одной прелестной детали, наивность которой привлечет внимание археолога. Высокая глухая стена заканчивается угловой башенкой, в которой, как мы уже говорили, идет винтовая лестница. Через низкую стрельчатую дверь можно попасть во дворик, отделяющий дом от каменной ограды, вдоль которой выстроились службы. На противоположном углу стены,

со стороны сада, расположена пятигранная башенка, она увенчана колоколенкой, тогда как башенка, описанная выше, заканчивается круглой каменной караулкой. Вот с каким искусством зодчие умели изящно и непринужденно вносить разнообразие в симметрию. На уровне второго этажа обе эти башенки соединены каменной галереей, которую поддерживают выступы с лепными изображениями человеческих лиц. Вдоль всей галереи идет балюстрада, выполненная с чудесной грацией и тонкостью. Кроме того, над продолговатым оконцем, прорезанным под щипцовой крышей, нависает каменный балдахин, – под такими балдахинами обычно стоят статуи святых в порталах церкви. Из обеих башенок в галерею выходят красивые стрельчатые двери. Так искусно умела архитектура XIII века украсить поверхность голых и холодных стен, – в нынешних домах ее, увы, ничто не разнообразит! Разве не возникает в вашем воображении красавица, – вот она ранним утром прохаживается по галерее и вглядывается туда, где за Герандой лучи восходящего солнца золотят песок и играют на безбрежной поверхности океана? Разве не восхититесь вы островерхой кровлей с резным коньком, украшенной по краям двумя башенками с каннелюрами, – правую строитель решил округлить наподобие ласточкина гнезда, а в левой пробил изящную стрельчатую дверцу с готической аркой, на которой высечена рука, держащая меч? Другим своим скатом крыша обращена к соседнему дому. Мысль о гармонии руководила средневековым зодчим, когда он возвел на углу фасада, выходящего во двор, другую башенку, парную той, где проходит винтовая лестница, по-старинному называвшаяся просто «винт»; эта вторая башня соединяет столовую с кухней и заканчивается ажурным сводом, где помещена почерневшая статуя святого Каллиста.

За старинной оградой лежит пышно разросшийся сад, занимающий приблизительно пол-арпана; по стенам вьются шпалеры роз. Сад разбит на четырехугольные гряды, занятые под овощи, которые выращивает слуга по имени Гаслен, и обсаженные пирамидально подстриженными плодовыми деревьями; на попечении Гаслена находится также барская конюшня. В глубине сада – грот со скамейкой. Посреди сада возвышаются солнечные часы. Дорожки аккуратно посыпаны песком. Со стороны сада нет второй башни, которая могла бы служить парной к той, где водружена статуя. Зато здесь стену украшает витая колонна, на которой некогда развевался флаг семьи дю Геников, о чем свидетельствует заржавевшая железная трубка, в которую вставлялось древко, – теперь из нее торчат пучки чахлой травы. Эта последняя деталь, чудесно гармонирующая с уцелевшими скульптурными украшениями, доказательство того, что дом построен архитектором-венецианцем. Изящество этой колонны сразу, как собственноручная подпись мастера, говорит о ее

происхождении, напоминает Венецию, рыцарские времена и изысканный вкус XIII века. Если у кого-либо возникнут сомнения на этот счет, характер орнамента убедит самого придирчивого знатока. Дом дю Геников украшают лепные четырехлистники, а не обычный трехлистный клевер. Вот эти-то четырехлистники и выдают венецианскую школу, потерявшую свою оригинальность при соприкосновении с Востоком, полумавританская архитектура коего не особенно щепетильна насчет основных догматов католицизма и потому смело придает трехлистнику четвертый листок, тогда как христианское зодчество свято блюдет троичность. Так воображение художника-венецианца ввело его в ересь. Если жилище дю Геников привлечет вас, вы, быть может, задумаетесь над тем, почему в наши дни не возникают подобные чудеса зодческого искусства. Нынче прекрасные здания продаются, сносятся, уступают место новым улицам и переулкам. Никто не уверен, останутся ли его дети под прадедовским кровом, и каждый живет как на постоялом дворе; а некогда, строя дом, трудились, или, по крайней мере, думали, что трудятся, для грядущих поколений, на вечные времена. Оттого-то так хороши старинные постройки. Вера в себя способна творить такие же чудеса, как вера в господа бога. Что касается расположения и обстановки двух верхних этажей, то о них вы можете судить по описанию нижнего этажа, укладу и нравам семейства дю Геников. Вот уже полстолетия дю Геники принимают посетителей только в нижних двух покоях, которые, так же как и дворовые службы, как и внешняя отделка дома, дышат изяществом и наивным духом старой и благородной Бретани. Без полного топографического описания города и без столь же подробного описания жилища дю Геников читатель, пожалуй, не мог бы понять удивительного облика представителей этого рода. Итак, решив изучить портреты, мы прежде изучили рамку. И тогда всякий поймет, как вещи воздействуют на людей. Ведь памятники прошлого накладывают свой отпечаток на тех, кто живет в их близости. Мудрено быть неверующим, обитая под сенью такого собора, как, скажем, собор в Бурже. Когда душе человека на каждом шагу предстает в осязаемой форме ожидающий ее удел, ей легче удержаться от искушения. Такого мнения придерживались наши предки, но не нынешнее поколение – для него не существует ни знамений, ни примет, и нравы его меняются каждое десятилетие. А вы, читатель, разве не ждете вы, что перед вами вот-вот появится барон дю Геник с мечом в руке? Иначе все, что я рассказал вам, – было бы ложью.

В то время, с которого начинается наш рассказ, а именно в начале августа 1836 года, семейство дю Геников состояло из четырех человек – барона и его жены, старой барышни дю Геник, старшей сестры главы дома, и единственного чада дю Геников – юноши двадцати одного года, носящего, по старинному

обычаю, тройное имя Годбер-Каллист-Луи. Барон, его отец, звался Годбер-Каллист-Шарль. Таким образом, в семействе дю Геников меняли только последнее имя святого. Святой Годбер, равно как и святой Каллист издавна считались покровителями дома дю Геников. Барон-отец покинул родную Геранду в те дни, когда Вандея и Бретань взялись за оружие[12 - ...когда Вандея и Бретань взялись за оружие... – Во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. Вандея и Бретань были центрами контрреволюционных восстаний 1793 г.], и воевал бок о бок с Шаретом, Кателино, Ларошжакленом, д'Эльбе, Боншаном и князем де Лудоном. Уходя на войну, он продал все свои поместья старшей сестре, девице Зефирине дю Геник, проявив в этом случае неслыханную в анналах революционных лет предусмотрительность. После гибели всех главарей вандейского восстания барон, чудом избежавший той же участи, не подчинился Наполеону. Он не складывал оружия вплоть до 1802 года, когда, чуть не попав в руки врага, вернулся в Геранду, из Геранды выехал в Круазик, а оттуда перебрался в Ирландию, ибо он, как истый бретонец, питал ненависть к Англии. Жители Геранды делали вид, что ничего не знают о судьбе барона, – за все двадцать лет никто не проронил неосторожного слова. Девица дю Геник получала доходы с имения и пересылала деньги брату с оказией, через рыбаков. В 1813 году в один прекрасный день он вдруг вновь появился в Геранде с таким видом, будто ездил на лето куда-нибудь в окрестности Нанта. Во время своего пребывания в Дублине старый бретонец, несмотря на свои пятьдесят лет, влюбился, как юноша, в очаровательнейшую ирландку, единственную дочь одного из самых знатных, но бедных семейств этого злополучного королевства. В ту пору мисс Фанни О'Брайен шел только двадцать второй год. Г-н дю Геник собрал все бумаги, требующиеся для вступления в брак, выехал в Ирландию для бракосочетания и возвратился оттуда на родину через десять месяцев, в начале 1814 года, вместе с молодой супругой, которая подарила ему сына Каллиста в тот самый день, когда Людовик XVIII вступил в Кале, чем и объясняется, что к имени новорожденного Годбер-Каллист было добавлено еще имя Луи. Теперь старому честному бретонцу уже исполнилось семьдесят три года; гражданская война, тяготы, перенесенные во время скитаний но бретонским болотам, жизнь в Дублине оставили на нем свой тяжелый след: барон казался столетним старцем. И еще никогда ни один представитель рода Геников не подходил столь полно их ветхому жилищу, возведенному в те далекие времена, когда в Геранде был княжеский двор.

Барон был высокий, худой, жилистый старик; держался он еще прямо. Продолговатое его лицо бороздили глубокие морщины, которые полукругом шли вокруг скул и бровей, что придавало ему сходство со стариками Ван-Остаде, Рембрандта, Миериса и Герарда Доу, – эти портреты, выписанные с такой

любовью, хочется рассматривать в луну. Характерные особенности его лица были как бы скрыты под сетью морщин, которые проложила жизнь под открытым небом и привычка настороженно озирать окрестность на рассвете или на заходе солнца. И все же наблюдатель подметил бы в нем нетленные черты человеческого облика, которые так много говорят нашей душе, хотя глаз наш видит уже только безжизненный череп. Резкие очертания подбородка, рисунок лба, строгость черт, твердая линия носа, вся скульптурная лепка лица, которую могли изменить лишь глубокие шрамы, все обличало отвагу, не знающую корыстных расчетов, веру, не знающую границ, умение повиноваться беспрекословно, верность, не идущую на сделки, любовь до гроба. Это был бретонский гранит в образе человека. Барон уже давно растерял все зубы. Губы его, некогда ярко-красные, а ныне лилово-синие, запали, что придавало беззубому рту сердитое и надменное выражение; однако крепкие десны надежно служили старику; впрочем, заботливая супруга обычно завертывала хлеб во влажную салфетку, чтобы сделать его мягче. Подбородок почти сходился с носом, но и поныне этот нос с благородной горбинкой свидетельствовал о чисто бретонской энергии и упорстве. Кожа была, как обычно у всех людей сангвинического, необузданного темперамента, усеяна красными пятнышками, проступавшими сквозь сетку морщин. И в самом деле, барон был создан для утомительных трудов, которые не раз и спасали его от апоплексического удара. Серебристо-белые волосы спадали крупными кольцами до плеч. Жизнь, почти угасшая в его лице, еще светилась в черных глазах, которые блестели из-под тяжелых век, бросали последние искры огня, теплившегося в этой благородной и честной душе. Брови и ресницы вылезли. Складки выдубленной временем кожи никогда не разглаживались. Бритва не брала его жесткой щетины, и старик отпустил окладистую бороду. Любуясь этим бретонским львом, этим стариком с мощным торсом и мускулистой грудью, художник прежде всего обратил бы внимание на его прекрасные руки, руки воина, какие, верно, были у настоящего дю Геклена, – большие, широкие, волосатые; эти руки сжимали рукоятку меча, и, подобно Жанне д'Арк, дю Геник поклялся не складывать оружия, пока не взовьется над Реймским собором королевский стяг; в эти руки впивались и рвали их в кровь шипы терновника в Бокаже; эти руки орудовали веслом в болотах, когда надо было застать врасплох «синих»[13 - «Синие» – так называли во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. солдат республиканской армии по цвету их мундира.], или в открытом море, чтобы ускорить прибытие Жоржа[14 - Жорж – Жорж Кадудаль (1771–1804), один из главарей контрреволюционного Вандейского восстания, участник роялистского заговора против Наполеона в 1804 г.]; руки верного рыцаря, пушкаря, простого солдата, вожака; руки, которые стали теперь белыми и мягкими, хотя старшая линия Бурбонов

находилась в изгнании. Но, приглядевшись получше, вы могли бы по свежим шрамам заключить, что совсем недавно барон выступал в числе сторонников герцогини Беррийской[15 - Герцогиня Беррийская (1798–1870) – в период Июльской монархии сделала неудачную попытку поднять в Вандее восстание против Луи-Филиппа с целью возвращения к власти старшей линии Бурбонов (1832 г.).] в Вандее. Сейчас этого можно уже не скрывать. Руки эти являлись живым комментарием к прекрасному девизу, которому не изменил ни один Геник: «Fac!» Было странно видеть светло-золотистую кожу на висках рядом с бурым оттенком низкого, упрямого, сдавленного с боков лба, который из-за лысины казался выше и придавал еще больше величия этой великолепной руине. Во всем облике барона, впрочем, вполне земном, – да и могло ли быть иначе? – как у всех окружавших барона бретонцев, чувствовалось какое-то дикое, какое-то грубое спокойствие, бесстрастие гурона, и нечто просто глуповатое, что объяснялось, должно быть, полным покоем, который приходит на смену безграничной усталости и иногда возвращает человека к животному состоянию. Не часто бороздила мысль это чело. Казалось, она стоила ему больших усилии, гнездилась скорее где-то в сердце, а не в мозгу, проявлялась скорее в действии, чем в идее. Но, внимательно наблюдая за этим величественным стариком, вы разгадали бы тайну, вы поняли бы барона дю Геника, это воплощенное противоречие духу времени. У него и верования и чувства были, если так можно выразиться, прирожденными: ему незачем было размышлять. С первого же дня своего появления на свет он уже знал свои обязанности. За него думали нравы, религия. Вот так он и его сотоварищи берегли ум для действия, не растрачивая его на бесполезные, по их мнению, пустяки, которыми тешились другие. Он хранил свою мысль в сердце, как шпагу в ножнах, зато, появляясь на свет, она блистала простодушной чистотой, как меч в фамильном гербе дю Геников. Разгадав эту тайну, вы узнавали о нем все. Вы понимали твердость решений, рожденных мыслью прямой, искренней, ясной, незапятнанной, как горностай. Вы понимали, почему перед войной он продал своей сестре имение; а этот поступок уже предвещал все – смерть, бедность, изгнание. Душевная красота этих двух стариков, – ибо сестра жила только братом и ради брата, – непонятна во всей своей глубине нашему эгоистическому веку, непостоянному и неуверенному ни в чем. Сам архангел не обнаружил бы в их сердцах ни одной своекорыстной мысли. Когда герандский кюре в 1814 году уговаривал дю Геника отправиться в Париж хлопотать о пенсии, старушка, сестра барона, соблюдавшая дома жесточайшую экономию, воскликнула:

– Фи, братец, неужели вы протянете руку за подаянием, как нищий?

– Еще могут подумать, что я служил королю ради денег, – сказал старик. – Пусть он сам обо мне вспомнит. Бедный наш король, его замучили все эти попрошайки! Да раздай он им по кусочкам всю Францию, они еще будут клянчить добавки.

Честный слуга короля, столь рьяно соблюдавший интересы Людовика XVIII, был пожалован в чин полковника, награжден орденом Святого Людовика, и ему назначили пенсию в две тысячи франков.

– Король обо мне вспомнил! – воскликнул он, принимая бумаги.

Никто не рассеял заблуждения старика. В действительности же этим он был обязан герцогу де Фельтру, который, при просмотре состава вандейских войск, обнаружил в списках, среди прочих бретонских фамилий, оканчивающихся на «ик», имя дю Геника. Как бы желая отблагодарить короля, барон оборонял в 1815 году Геранду, осажденную батальонами генерала Траво, и отказался сдать крепость; когда пришлось все же оставить ее, он скрылся в лесах с отрядом шуанов, которые не складывали оружия вплоть до второй реставрации Бурбонов[16 - …вплоть до второй реставрации Бурбонов. – Первая реставрация Бурбонов произошла в апреле 1814 г., после отречения Наполеона I от престола, а вторичная – в июне 1815 г., после «Ста дней».]. Геранда до сих пор хранит память об этой последней осаде. Соберись тогда старые бретонские отряды, пламя войны, зажженное этими упорными роялистами, охватило бы и Вандею. При всем том мы должны признаться, что барон дю Геник был совершенно необразован и в этом мало отличался от крестьян; он умел читать, писать и немного знал счет; в совершенстве постиг военное искусство и разбирался в гербах; но, кроме молитвенника, за всю свою жизнь не прочел и ста страниц. Старик продолжал по привычке заботиться о своем костюме, но одевался неизменно строго – он носил грубые туфли, шерстяные чулки, панталоны из темно-зеленого бархата, суконный жилет и сюртук с широкими отворотами, к которому он прицеплял крест Святого Людовика. Его лицо, которое как бы уже готовилось застыть в вечном сне, дышало чудесной умиротворенностью; последний год старик все чаще и чаще впадал в глубокую дремоту, являющуюся предвестником смерти. Эти приступы сонливости, все более и более продолжительные, не беспокоили ни его супругу, ни слепую сестру, ни друзей, так как все они были несведущи в медицине. Они считали, что эта безупречно чистая, но утомленная душа замирает временами в возвышенном небытии просто потому, что барон уже выполнил свой долг. Этим словом сказано все.

Интересы дю Геников вращались вокруг судеб свергнутой династии. Будущее изгнанных Бурбонов, равно как и будущее католической церкви, влияние последних политических событий на Бретань занимали все помыслы барона и его домочадцев. И только любовь к единственному сыну Каллисту – последней надежде славного рода дю Геников – могла соперничать с их привязанностью к королю и Бретани. Несколько лет назад старый вандеец, старый шуан как будто пережил вторую молодость, – он решил самолично приохотить сына к упражнениям в силе и ловкости, приличествующим молодому дворянину, которого ждет поле битвы. Когда Каллисту минуло шестнадцать лет, отец стал сопровождать его в поездках верхом но лесам и болотам и среди охотничьих забав приучал сына к бранным трудам; старик, не знающий усталости, неутомимый в седле, без промаха бьющий дичь влёт, посылающий коня на любое препятствие, служил юноше образцом и примером и подвергал единственное дитя всем опасностям, будто у него было десять сыновей. Когда герцогиня Беррийская вернулась во Францию, намереваясь завоевать королевский престол, отец привел к ней своего сына, чтобы Каллист мог делом доказать свою верность девизу, начертанному на фамильном гербе. Барон собрался за одну ночь, тайком от жены, не желая видеть ее слез, и повел в огонь свое бесценное дитя, как повел бы его на праздник: их сопровождал Гаслен, единственный «вассал» Геников, с радостью удравший вместе с господами. Полгода отсутствовали мужчины семьи дю Геников, не подавая о себе вестей, и баронесса не могла без дрожи взять в руки «Котидьен». Не сообщал барон ничего и своей сестре; Зефирина держалась героически стойко, и даже ни разу не нахмурился ее старческий лоб, когда она слушала чтение газеты. Итак, три ружья, висевшие на стене залы, еще совсем недавно побывали в деле. Считая, что дальнейший поход не приведет ни к чему, барон покинул стан сражающихся еще перед боем под Пенисьером, в противном случае – кто знает – его род мог бы прекратиться.

Бурной ночью отец, сын и слуга, простившись с герцогиней, вернулись домой, и вот тогда-то, обрадовав своим появлением друзей, баронессу и девицу Зефирину, которая чутьем, свойственным всем слепым, еще издали узнала шаги дорогих путников, барон оглядел взволнованные лица близких, освещенные старинной лампой, и, не дожидаясь, когда Гаслен развесит но местам ружья и сабли, промолвил с феодальной наивностью: «Не все бароны выполнили свой долг!» – и тут голос его дрогнул. Затем, поцеловав жену и сестру, он уселся в свое любимое старое кресло и приказал подать ужин сыну, слуге и себе. Гаслен был ранен ударом сабли в плечо, так как в бою прикрыл своим телом Каллиста; поступок этот казался дамам дю Геник столь естественным, что они даже не особенно и благодарили верного слугу. Ни барон, ни его гости

не хулили и не проклинали победителей. Сдержанность – одна из характерных особенностей бретонца. За сорок лет никто никогда не слыхал, чтобы барон произнес хоть одно бранное слово по адресу своих противников. Пусть делают свое дело, как он выполняет свой долг! Глубокая молчаливость есть также свидетельство несокрушимой воли. Это последнее усилие, эта последняя вспышка энергии и явилась причиной неодолимой слабости, овладевшей бароном дю Геником. Дом Бурбонов, сначала по воле провидения низложенный, а затем столь же чудесно восстановленный, снова был в изгнании, и это повергало старика в горькое уныние.

В шесть часов вечера того дня, когда начинается наше повествование, старик, отобедав, по давнишней привычке, в четыре часа, мирно дремал под чтение «Котидьен». Голова его покоилась на спинке кресла, стоявшего около камина, напротив окна в сад.

Рядом с этим кряжистым, как дуб, стариком баронесса, сидевшая на ветхом стуле возле камина, являла собой тот обаятельный тип женской красоты, который встречается лишь в Англии, Ирландии и Шотландии. Только на этой земле и рождаются лилейные, златокудрые девы, чьи локоны вьются, должно быть, от прикосновения нежных перстов ангела, ибо, когда ветерок играет ими, в них горит небесный отблеск. Красивая и изящная Фанни О'Брайен была настоящей ирландской сильфидой, сильной духом и доброй, стойкой перед лицом несчастья, кроткой, как музыка ее речей, чистой, как ясная синева ее глаз. Природа наделила ее нежной кожей: для руки – это шелк, а для глаза – наслаждение, которое не в состоянии передать ни кисть художника, ни слово поэта. Она была прекрасна даже в сорок два года, и многие сочли бы за счастье назвать своей супругой эту женщину, прелести которой напоминали жаркую красу августа, богатого цветами и плодами, восхитительно освежаемого небесными росами. Баронесса держала газету прекрасной рукой с милыми ямочками; кончики пальцев ее слегка загибались кверху, а ногти были продолговатые, как у античных статуй. Слегка откинувшись на спинку стула в изящной и непринужденной позе, баронесса вытянула ноги поближе к пылающему камину; на ней было черное бархатное платье, потому что последние дни похолодало. Корсаж плотно облегал великолепные плечи и все еще прекрасную грудь, не испорченную материнством, хотя баронесса сама кормила сына. Голову она убирала на английский манер, спуская вдоль щек длинные букли. Черепаховый гребень поддерживал тяжелый узел волос, нимало не потускневших, отливавших на солнце темно-золотыми нитями. А непокорные локоны, которые вьются на затылке и служат верным признаком породы, она заплетала в трогательную косичку и высоко подкалывала ее вместе со всей

массой волос, открывая гибкую шею, красиво переходившую в линию плеч. Эта незначительная деталь свидетельствовала о том, что баронесса неизменно заботилась о своем туалете.

Она старалась порадовать взгляд старого барона. Какая милая и очаровательная заботливость! Если вам посчастливится встретить женщину, расточающую у домашнего очага все то кокетство, которое у других представительниц прекрасного пола рождается только под влиянием одного определенного чувства, – смело доверьтесь ей: она – достойная мать и супруга, она свято блюдет свои обязанности, она – радость и украшение дома, ее душа и чувства столь же совершенны, как ее внешность, она творит добро втайне, ее любовь не запятнана ни одной задней мыслью, она любит своих ближних, как любят бога, без всякого расчета и корысти. И невольно казалось, что сама дева рая, хранительница Фанни, вознаградила эту непорочную юность, эту светлую жизнь, отданную благородному старику, и наделила ее лучезарной красотой, над которой бессильна суровая рука времени. Те изменения, что претерпела с годами красота Фанни, Платон прославил бы как проявление новой прелести. Кожа Фанни, некогда белоснежная, приобрела теплые золотистые тона, которые так любят художники. Ее высокий лоб прекрасного рисунка, казалось, вбирал в себя свет, любовно скользивший по его шелковистой блестящей поверхности. Бирюзовые зрачки сияли из-под бархатистых светло-каштановых бровей на редкость мягких очертаний. Непередаваемой грустью дышали ее нежные веки, изящно округленные виски. Под глазами и на переносице кожа была матово-белая, с тончайшими голубыми жилками. Орлиный, тонкий нос свидетельствовал о высоком, почти королевском, происхождении этой дочери Ирландии. Чистых и четких очертаний рот красила непринужденная, бесконечно приветливая улыбка. Зубы у баронессы были очень белые и некрупные. С годами она слегка располнела, однако время пощадило ее гибкую талию. В этой по-осеннему зрелой красоте чувствовались еще прелестные цветы весны и пламенный разгар лета. Руки Фанни стали благородно округлыми, а гладкая упругая кожа поражала теперь особой нежностью; все формы приобрели роскошную законченность. Открытое, ясное, нежно-розовое лицо и чистые голубые глаза, которые оскорбил бы брошенный на них нескромный взгляд, неизменно выражали доброту и ангельскую кротость.

По другую сторону камина сидела в кресле восьмидесятилетняя сестра барона, как две капли воды похожая на брата, и слушала чтение газеты, не прерывая вязания – труда, для которого зрения не требуется. Оба ее зрачка заволокли бельма, но Зефирина дю Геник, вопреки настояниям невестки, упорно отказывалась от операции. Только одна она знала почему: старуха уверяла

домашних, что боится ножа, а на самом деле просто не желала тратить на себя двадцать пять луидоров, – ведь от этого могло пострадать хозяйство. А меж тем ей очень хотелось видеть брата. Оба дю Геники, брат и сестра, выгодно оттеняли красоту баронессы. Да и какая женщина не показалась бы молодой и прелестной бок о бок с такими стариками? Девица Зефирина, потерявшая зрение уже давно, не подозревала, как изменилась к восьмидесяти годам ее внешность. Бледное лицо со впалыми щеками казалось мертвой маской, и сходство это усугублял пустой взгляд незрячих глаз, обведенных красной каемкой; три-четыре торчавших вперед зуба придавали Зефирине угрожающий вид; на подбородке и в углах рта вились седые волоски – признак мужественной натуры. Это холодное и спокойное лицо обрамляли белые коленкоровые оборки стеганого коричневого чепчика, завязанного под подбородком порыжевшими тесемками. Старуха носила юбку из грубой шерсти, а под нею – стеганую нижнюю юбку, пухлую, как матрац, где у нее хранились червонцы; она каждое утро надевала и только на ночь снимала пояс с пришитыми к нему карманами. Узкий казакин, такой, как носят бретонские крестьянки, и из той же грубой, что и юбка, шерсти туго обтягивал ее грудь, у шеи он заканчивался белым воротничком, собранным в мелкие складочки. Этот воротничок служил единственной причиной раздора между золовкой и невесткой: старуха ни за что не соглашалась отдавать его в стирку раньше субботы. Из широких, подбитых ватой рукавов казакина выходили сухие и жилистые, пожелтевшие кисти рук, по сравнению с которыми кожа запястья казалась белой, как сердцевина тополя. Пальцы скрючились от постоянной работы спицами, и беспрерывное их мелькание напоминало движение вязальной машины; не верилось, что эти руки бывают когда-нибудь неподвижны. Время от времени девица дю Геник вытаскивала из-за корсажа длинную спицу и ловко запускала ее под чепчик, чтобы почесать свою седую голову. Человек непривычный не мог бы глядеть без смеха, как старуха бесстрашно втыкает обратно за корсаж спицу, не боясь уколоться. Держалась она прямо, как палка. Ее величественная осанка могла показаться невинным кокетством старости, ибо, как известно, тщеславие умирает после нас. Улыбка у нее была веселая. Девица дю Геник тоже выполнила свой долг.

Заметив, что барон уснул, Фанни перестала читать. Закатный луч заглянул в окно, золотым лезвием прорезал спертый воздух в зале и заиграл на почерневшей мебели. Солнечный зайчик скользнул по резному полу, пробежал по поставцам, растекся по дубовому столу, и сразу же тихая, темная зала повеселела, а голос Фанни отдавался в душе восьмидесятилетней старухи радостной, веселой, как этот луч, музыкой. Золото заката мало-помалу обратилось в пурпур, и все постепенно окрасилось в грустные предвечерние

тона. Баронесса умолкла и погрузилась в то глубокое раздумье, которое уже две недели наблюдала старуха Зефирина.

Она не задала невестке ни одного вопроса, хотя ей очень хотелось узнать, откуда эта печаль. Как и многие слепые, она, казалось, умела читать мысли окружающих, будто они, подобно белым литерам, выступали из книги мрака, ибо в душе слепца каждый звук отдается эхом, несущим разгадку чужих тайн. Слепая старуха, для которой сумерки не были помехой, продолжала вязать, и в зале воцарилась такая глубокая тишина, что слышно было мерное постукивание стальных спиц.

– Вы уронили газету, сестрица, – произнесла проницательная старуха, – а ведь вы не спите!

Когда совсем стемнело, Мариотта внесла зажженную лампу и поставила ее на стол; затем, как и каждый вечер, она взяла прялку, кудель, пододвинула низенькую скамеечку к окну, выходившему во двор, и начала прясть. Гаслен все еще хлопотал по хозяйству: заглянул на конюшню, где стояли лошади барона и Каллиста, проверил, есть ли в яслях овес, накормил двух прекрасных псов. Их веселый лай был последним звуком, на который откликнулось эхо, спящее в почерневших стенах старого дома. Эти две гончие да пара лошадей – вот и все, что осталось от былой рыцарской пышности дю Геников. Человек, наделенный воображением, присев на каменное крыльцо, невольно поддался бы поэзии минувшего, которое жило под этой ветхой кровлей, и, вероятно, вздрогнул бы, услышав лай охотничьих псов и нетерпеливое ржание коней, бьющих копытом в деннике.

Гаслен был, как и подобает бретонцу, низкорослый, плотный, коренастый и смуглый брюнет, отличался медлительностью движении, молчаливостью и упрямством мула, – такой человек ни за что не свернет с раз предуказанного ему пути. Гаслену исполнилось сорок два года, из которых двадцать пять он прожил у дю Геников. Мадемуазель Зефирина взяла его в дом пятнадцатилетним подростком, ожидая возвращения брата, который в ту пору уже женился на Фанни. Слуга считал себя членом семейства Геников; он играл с Каллистом, любил хозяйских псов и лошадей, холил их и говорил с ними, как с людьми. Зиму и лето он ходил в синей холщовой блузе-расстегайке с небольшими карманами, доходящей до бедер, в таких же штанах и жилете, в синих чулках и грубых башмаках с подковками. В холодную погоду или в дождь он, по местному обычаю, накидывал поверх блузы козью шкуру.

Мариотта, которой тоже уже стукнуло сорок, была настоящим Гасленом в юбке. Трудно представить себе более подходящую пару: оба черноволосые, низенькие, у обоих карие проницательные глазки. Непонятно, как Гаслен и Мариотта не поженились: впрочем, это показалось бы кровосмешением, ибо они походили друг на друга, как брат и сестра. Мариотта получала тридцать экю в год, а Гаслен сто ливров. Но и за тысячу экю жалованья они не оставили бы дома дю Геников. Оба состояли под началом старой барышни, которая со времени вандейского восстания и вплоть до возвращения брата самовластно управляла домом. Узнав о намерении барона ввести в дом хозяйку, мадемуазель Зефирина огорчилась, что ей придется выпустить из рук бразды правления, передать свои полномочия новой баронессе дю Геник и стать лишь первой из ее подданных.

Каково же было приятное разочарование Зефирины, когда она убедилась, что мисс Фанни о'Брайен рождена для высшего удела, что мелочные заботы по грошовому хозяйству бесконечно претят ей и что, подобно многим возвышенным душам, она предпочитает питаться черствым хлебом, купленным в лавке, чем есть самые вкусные блюда, которые надо готовить своими руками; старуха скоро поняла, что ее невестка, с охотой выполнявшая все самые тягостные обязанности, налагаемые материнством, стойко сносившая все лишения, отступает перед обыденными занятиями. Когда барон попросил сестру от имени жены – сама Фанни не осмеливалась обратиться к золовке с подобной просьбой – по-прежнему вести хозяйство, старая девица нежно расцеловала невестку; она относилась к Фанни, как к родной дочери, она обожала ее и была счастлива, что может по-прежнему полновластно управлять домом, который она и вела твердой рукой, соблюдая по привычке строжайшую экономию, нарушаемую только ради исключительных событий, таких, как роды, кормление малютки Каллиста и, уж конечно, ради самого Каллиста, баловня и кумира всей семьи. Хотя Гаслен и Мариотта привыкли к строгому распорядку дома и без всяких напоминаний пеклись об интересах хозяев больше, чем о своих собственных, – мадемуазель Зефирина неустанно следила за всем. От нее ничто не ускользало: не поднимаясь на чердак, она знала, велика ли груда насыпанных там орехов, и, не запуская в рундук своей жилистой руки, могла сказать, сколько осталось на конюшне овса. У пояса ее казакина висел на шнурке свисток, и она, как боцман на судне, вызывала слуг свистком, одним – Мариотту и двумя – Гаслена.

Величайшей утехой Гаслена был сад, где он прилежно трудился, выращивая прекрасные плоды и столь же прекрасные овощи. Обязанности его были, впрочем, необременительны, и, лишись он своих грядок, он заскучал бы. Почистив на зорьке лошадей, он затем натирал полы и приводил в порядок

барские покои в нижнем этаже: больше ему «при господах» нечего было делать. Поэтому самый зоркий глаз не обнаружил бы в саду ни сорной травинки, ни вредного насекомого. Гаслен мог часами стоять неподвижно, не замечая, как пекут его непокрытую голову палящие лучи, – это он выслеживал мышь-полевку или мерзкую личинку майского жука; поймав наконец свою жертву, которую он подстерегал целую неделю, Гаслен зажимал ее в кулаке и, счастливый, как дитя, бежал к господам похвастаться удачей. Не меньшим удовольствием для него было отправиться в постные дни за рыбой в Круазик, где она была дешевле, чем в Геранде. Можно смело сказать, что редкая семья была так сплочена, дружна и жила в таком добром согласии, как это почтенное и благородное семейство. Казалось, что хозяева и слуги созданы друг для друга. За двадцать пять лет ни разу они не поссорились, ни разу между ними не пробежала черная кошка. Единственным их огорчением были легкие недомогания маленького Каллиста, единственное, что устрашило их – это события 1814 и 1830 годов. И пусть одни и те же действия совершались неизменно в одни и те же часы, пусть одни и те же кушанья сменялись на столе с той же закономерностью, с какой сменяются времена года, однообразие это, подобное однообразию природы, где друг за другом следуют непогода и вёдро, покоилось на любви, царившей во всех сердцах, тем более плодотворной и благодетельной, что проистекала она из законов естественных.

Когда совсем стемнело, в залу вошел Гаслен и почтительно осведомился, не понадобится ли он хозяину.

– После молитвы можешь погулять и ложиться, – сказал пробудившийся от сна барон, – если только барыня и барышня тебя отпустят.

Обе дамы в знак согласия молча наклонили голову. Гаслен, видя, что хозяева поднялись и стали на колени, тоже преклонил колени. Мариотта пристроилась в молитвенной позе на своей скамеечке. Старая девица дю Геник вслух прочитала молитву; когда смолк ее голос, раздался стук в калитку, выходящую на улочку, Гаслен пошел отпирать.

– Это, наверно, господин кюре; он всегда первым приходит, – заметила Мариотта.

И в самом деле, присутствующие узнали твердые шаги герандского кюре, гулко отдававшиеся во дворе. Кюре почтительно раскланялся с хозяевами и обратился к барону и дамам со словами елейного привета, на что священники такие

мастера. Услышав рассеянный ответ Фанни, гость устремил на нее инквизиторский взгляд духовника.

– Уж не больны ли вы, баронесса, или, быть может, вас что-нибудь расстроило? – осведомился он.

– Благодарю вас, так, пустяки, – ответила баронесса.

Господину Гримону шел уже шестой десяток, роста он был среднего; из-под сутаны, мешком сидевшей на нем, торчали огромные туфли с серебряными пряжками, белоснежные брыжи оттеняли жирное, очень белое, но сейчас слегка тронутое загаром лицо. Руки у него были пухлые. Чисто поповской своей физиономией г-н Гримон напоминал и голландского бургомистра – та же невозмутимость, тот же сытый блеск кожи, – и бретонского крестьянина – те же гладкие черные волосы, те же карие глазки, живой блеск которых приглушало христианское смирение. Он любил повеселиться, как человек, у которого совесть чиста, и не чуждался шутки. В нем не было ничего суетливого и желчного, как у тех неудачливых священнослужителей, чей образ жизни или власть, которой они облечены, лишь раздражают прихожан; такие священники не только не умеют стать, по образному выражению Наполеона, духовными наставниками народа и его естественными судьями, но, напротив, вызывают к себе ненависть. Любой путешественник, даже самый завзятый маловер, встретив г-на Гримона на улицах Геранды, сразу же угадывал в нем правителя сего благочестивого града; но сам правитель безропотно признавал превосходство феодальной власти дю Геников над своим духовным авторитетом. В этой зале он чувствовал себя как капеллан в замке феодального сеньора. В церкви, благословляя паству, он осенял крестным знаменьем прежде всего скамью, принадлежавшую дю Геникам, на спинке которой был вырезан их фамильный герб – рука, держащая меч.

– Я думал, что мадемуазель Пеноэль уже пришла, – сказал священник, целуя руку баронессы и усаживаясь подле нее. – Она изменяет своим правилам. А все нынешний рассеянный образ жизни, – ведь и Каллист не вернулся еще из Туша.

– Ничего не говорите об этих визитах при мадемуазель Пеноэль! – тихо воскликнула Зефирина дю Геник.

– Ах, барышня, – вмешалась Мариотта, – да разве запретишь всему городу судачить!

– А что говорят? – осведомилась баронесса.

– Все в один голос твердят, и молоденькие девушки, и старые сплетницы, что наш кавалер влюблен в мадемуазель де Туш.

– Для такого молодца, как наш Каллист, влюблять в себя дам – самое подходящее занятие, – заметил барон.

– А вот и мадемуазель Пеноэль, – объявила Мариотта.

И действительно, гравий во дворе заскрипел под мелкими шажками гостьи, которая явилась в сопровождении слуги, освещавшего ей путь фонарем. Увидев знакомого слугу, Мариотта решила перенести свою прялку в соседнюю залу, чтобы поболтать при свечке, которая горела в фонаре богатой и скупой гостьи, что позволяло экономить свечи дю Геников.

Гостья была сухонькая и тоненькая пожилая девица с серыми глазками, с лицом желтым, как пергамент старых судейских грамот, морщинистым, как волнуемая ветром гладь озера, и по-мужски большими кистями рук; передние зубы ее выдавались; вдобавок мадемуазель де Пеноэль была кривобока, а быть может, и горбата; но никто не хотел знать ее физических достоинств и недостатков. Одевалась она на манер девицы дю Геник, и когда ей требовалось вынуть что-нибудь из кармана, она начинала судорожно шарить в своих шуршащих юбках, которых на ней был добрый десяток. Эти поиски сопровождались приглушенным перезвоном ключей и серебряных монет. В одном кармане мадемуазель де Пеноэль держала ключи от всех служб и построек, а в другом – серебряную табакерку, наперсток, спицы и прочие звонкие предметы. Но вместо стеганого чепчика, которому отдавала предпочтение девица дю Геник, гостья носила зеленую шляпку и, должно быть, в ней ходила на огород проведывать свои дыни, и вместе с этими плодами ее шляпка меняла тон, становясь из зеленой желтого цвета. Такие шляпки были в моде лет двадцать назад и назывались в Париже «биби». Эту шляпку смастерила собственноручно племянница мадемуазель де Пеноэль и, под зорким наблюдением тетки, убрала ее зеленой тафтой, купленной в Геранде; тулья каждые пять лет обновлялась в Нанте, ибо срок носки был строго определен: от одних муниципальных выборов

до других. Племянницы сами шили ей платья, следуя раз и навсегда указанному фасону. Старая девица подпиралась тростью с крючком, – такими тросточками щеголяли модницы времен Марии-Антуанетты. Мадемуазель де Пеноэль принадлежала к высшей бретонской аристократии. На ее фамильном гербе были все знаки этого. С ней и с ее сестрой угасал старинный бретонский род Пеноэлей. Младшая Пеноэль была замужем за г-ном Кергаруэтом, который, невзирая на всеобщее негодование, смело присоединил к своему имени славное имя Пеноэлей и звался теперь виконтом Кергаруэт-Пеноэлем.

– Его бог наказал, – любила говорить старая девица, – сыновей-то у него нет, одни дочери; значит, род де Кергаруэт-Пеноэлей все равно угаснет.

Земельные угодья приносили Жаклине де Пеноэль около восьми тысяч ливров годового дохода. Оставшись тридцать шесть лет назад старшей в доме, она самолично вершила дела, объезжала свои владения верхом на лошади и выказывала даже в мелочах непреклонную волю, что, впрочем, свойственно всем горбунам. Ее скупость была известна на десять лье в окрестности и ни в ком не вызывала осуждения. Мадемуазель де Пеноэль держала только одну служанку и слугу-подростка, который сопровождал ее всюду. Тратила она, если не считать налогов, не более тысячи франков в год. Не удивительно, что семейство Кергаруэт-Пеноэлей, проводившее зимы в Нанте, а на лето переселявшееся в имение на берегу Луары, заискивало в старухе. Всем было известно, что весь свой капитал и сбережения Жаклина откажет той из племянниц, которая сумеет ей угодить лучше прочих. Каждые три месяца одна из четырех девиц Кергаруэт, младшей из которых исполнилось только двенадцать лет, а старшей минуло уже двадцать, гостили поочередно у тетки. С тех пор как на свет появился Каллист, Жаклина де Пеноэль, воспитанная в преклонении перед бретонской доблестью дю Геников и дружившая с Зефириной, задумала передать юному барону свои богатства, женив его на одной из своих племянниц Кергаруэт-Пеноэль.

Она намеревалась выкупить лучшие земли дю Геников, расплатившись с «фермерами-залогодателями». Когда скупость ставит себе определенную цель, она уже перестает быть пороком, она становится почти добродетелью, а чрезмерные лишения – непрерывными жертвами; и настоящий скупец, в сущности, лишь вынашивает большие замыслы, скрытые под мелочными проявлениями скаредности. Быть может, Зефирина была посвящена в тайну мадемуазель де Пеноэль. Быть может, и баронесса, все чувства и разум которой поглощала любовь к сыну и нежность к старику мужу, тоже догадывалась кое

о чем, – недаром лукавая Жаклина упорно приводила с собой каждый вечер к дю Геникам свою любимую племянницу, пятнадцатилетнюю Шарлотту Кергаруэт. И, уж конечно, в заговоре был и кюре Гримон, который являлся советчиком старухи по части выгодного помещения капитала. Но, имей мадемуазель де Пеноэль триста тысяч франков золотом – сумма, в которую оценивали ее сбережения; владей она в десять раз большими земельными угодьями, чем теперь, – дю Геники и тогда не сделали бы ни одного жеста, который позволил бы предположить заинтересованность в ее богатстве. Именно из чувства великолепной бретонской гордыни Жаклина Пеноэль с радостью признавала превосходство своей старой подружки Зефирины и вообще семейства дю Геников и всякий раз чувствовала себя крайне польщенной, когда ее удостаивала визитом внучка ирландских королей и ее золовка.
А как тщательно скрывала она от друзей, какую жертву приносит им каждый вечер, – ведь, поджидая свою госпожу у дю Геников, ее слуга сжигал по целой свечке цвета пеклеванного хлеба; такие свечи еще и посейчас распространены кое-где на западе Франции. Итак, эта богатая и старая девица была живым олицетворением бретонского дворянства, его гордости и важности. Теперь, когда вы прочли ее описание, узнайте же то, что узнала вся Геранда по вине болтливого кюре Гримона: в тот вечер, когда барон, юный его сын и верный Гаслен, вооруженные саблями и ружьями, отправились в Вандею, к великому ужасу Фанни и к великой радости бретонцев, Жаклина Пеноэль вручила барону десять тысяч ливров золотом, – неслыханная жертва с ее стороны, – и в добавление к ней такую же сумму, собранную в качестве десятины священником; эти деньги старый вояка должен был преподнести матери Генриха V[17 - Генрих V – под этим именем монархисты-легитимисты хотели провозгласить Генриха Бурбона, внука Карла X, французским королем.] от имени семейства Пеноэлей и герандской паствы. К Каллисту Жаклина относилась как будущая родственница, имеющая на него права; она почитала себя обязанной следить за его нравственностью, и вовсе не потому, что разделяла предубеждение некоторых против холостых проказ, – наоборот, в этом отношении она отличалась снисходительностью старых дам прошлого века; но она трепетала перед злокозненной революционностью новых нравов. Она, пожалуй, простила бы Каллисту шашни с бретонками, зато он сильно повредил бы себе в ее мнении, если бы поддался тому, что она называла новыми веяниями. У Жаклины Пеноэль всегда отыскалась бы небольшая сумма, чтобы откупиться от девицы, соблазненной Каллистом, но она сочла бы юношу мотом и расточителем, увидев его в тильбюри или услышав, что он собирается в Париж. А если бы старая девица застала Каллиста за чтением нечестивых журналов или газет, она натворила бы бог знает что. К новым веяниям она причисляла трехпольный севооборот и вообще «всякий разор» под видом

улучшений и нововведений, не говоря уже о закладе поместий, к которому неизбежно приводили подобные опыты. По ее убеждению, разумный человек всегда сумеет разбогатеть; хороший хозяин вовремя свезет в амбары рожь, овес, коноплю и будет упрямо сидеть на мешках, выжидать повышения цен, даже рискуя прослыть спекулянтом. По счастливой случайности ей самой почти всегда удавалось удачно проводить свои коммерческие операции, что еще больше укрепляло мадемуазель де Пеноэль в ее принципах. Ее считали хитрой, в действительности же она была недалекой особой, зато была аккуратна в делах, как голландский купец, осторожна, как кошка, настойчива, как поп, а подобные качества в этом косном краю почитались признаком величайшего глубокомыслия.

– А господин дю Альга нынче будет? – осведомилась старая девица, здороваясь с хозяевами и снимая шерстяные вязаные митенки.

– Непременно придет, сударыня; я его встретил на площади – он прогуливал свою собачку, – ответил священник.

– Значит, сегодня можно будет как следует поиграть в мушку, – продолжала мадемуазель де Пеноэль, – а то вчера пришлось играть вчетвером.

При слове «мушка» священник поднялся и достал из ящика поставца маленькую круглую корзиночку из ивовых прутьев. Там хранились фишки слоновой кости, ставшие после двадцати лет употребления желтыми, как турецкий табак, и засаленные карты, которыми как будто играли сен-назерские таможенники, а те, как известно, пользуются колодой не меньше двух недель. Священник собственноручно положил перед каждым игроком кучку фишек, поставил корзиночку посреди стола рядом с лампой; по его движениям чувствовалось, что этот невинный обряд он проделывает ежевечерне и с ребяческим нетерпением предвкушает радость игры. В эту минуту кто-то громко, по-военному, постучался, и стук отдался во всех уголках старого дома. Юный слуга девицы Пеноэль торжественно отпер двери. И в сгущавшихся сумерках на пороге вырисовалась длинная, сухая, закутанная фигура кавалера дю Альга, сражавшегося некогда под флагом адмирала Кергаруэта.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сарра – Сарра Ловель, в замужестве графиня Гидобони-Висконти (1804–1883), друг Бальзака. По делам семьи Гидобони-Висконти Бальзак ездил в Италию в 1836, 1837 и 1839 гг.

2

…оконных проемов, заложенных кирпичом во избежание налога. – В описываемое Бальзаком время налог с домовладельцев взимался во Франции в зависимости от количества окон и дверей в доме.

3

…городок является как бы Геркуланумом феодализма… – то есть памятником далекого прошлого. Геркуланум – город в Италии; был засыпан лавой во время извержения Везувия в 79 г.

4

…где был подписан знаменитый в истории договор. – Речь идет о договоре 1365 г., положившем конец военной распре между французским королем и бургундским герцогом по вопросу о наследнике бургундского престола.

5

…во времена дю Гескленов… – Дю Гесклены – старинный дворянский род в Бретани. Бертран дю Гесклен прославился своими подвигами в борьбе с англичанами (XIV в.).

6

Друиды – жрецы у древних кельтов.

7

Долмены – древние сооружения из плоских камней, предназначенные для культовых обрядов кельтов.

8

Гуго Капет (ок. 940–996) – французский король (987–996 гг.), основатель династии Капетингов.

9

«Шуаны, или Бретань в 1799 году» (1829) – первый роман Бальзака, принесший ему литературную известность; объяснение имени дю Геников имеется только в первых изданиях «Шуанов», из позднейших изданий Бальзак его исключил.

10

Действуй! (лат.).

11

Фаблио – небольшие стихотворные рассказы, в которых сатирически изображаются быт и нравы; изобилуют грубыми шутками. Наиболее популярный в средние века во Франции жанр городской литературы.

12

…когда Вандея и Бретань взялись за оружие… – Во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. Вандея и Бретань были центрами контрреволюционных восстаний 1793 г.

13

«Синие» – так называли во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. солдат республиканской армии по цвету их мундира.

14

Жорж – Жорж Кадудаль (1771–1804), один из главарей контрреволюционного Вандейского восстания, участник роялистского заговора против Наполеона в 1804 г.

15

Герцогиня Беррийская (1798–1870) – в период Июльской монархии сделала неудачную попытку поднять в Вандее восстание против Луи-Филиппа с целью возвращения к власти старшей линии Бурбонов (1832 г.).

16

…вплоть до второй реставрации Бурбонов. – Первая реставрация Бурбонов произошла в апреле 1814 г., после отречения Наполеона I от престола, а вторичная – в июне 1815 г., после «Ста дней».

17

Генрих V – под этим именем монархисты-легитимисты хотели провозгласить Генриха Бурбона, внука Карла X, французским королем.

Купить: https://tellnovel.com/onore-balzak/beatrisa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити